

ЭММА РУДКЕВИЧ

Я ГРУШКА ЛЕДЯНОГО НАСЛЕДНИКА.

Твой отец приказал тебе сломать меня!

Эмма Рудкевич

**Игрушка ледяного
наследника. Твой отец
приказал тебе сломать меня!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Игрушка ледяного наследника. Твой отец приказал тебе сломать меня! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я поступила в элитную медицинскую академию, чтобы стать врачом. Но на экзамене меня публично унизил Артём Волков — богатый, жестокий сын ректора. А на следующий день его назначили моим личным наставником! — Любое твоё действие теперь зависит от меня, Соколова. Подчиняйся или вылетишь! Он контролировал мою учёбу, испытывал на прочность и заставлял ненавидеть себя. Пока я не обнаружила страшную правду. Его отец приказал ему сломать меня! Моё унижение было частью заранее подготовленного плана. Но однажды Артём предал собственную семью, чтобы спасти меня. Теперь нам предстоит уничтожить коррумпированную академию. Только как довериться мужчине, который сначала был моим палачом, а потом стал любимым?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эмма Рудкевич

Игрушка ледяного наследника. Твой отец приказал тебе сломать меня!

Глава 1

От антисептика щипало в носу. У операционного стола я то и дело сглатывала: комиссия смотрела, а мокрый халат лип к спине. В висках гудело. Только бы не забыть всё, что ещё минуту назад знала назубок.

— Кира, подключай монитор, — голос Димы звучал слишком ровно для человека, который только что «случайно» зацепил ногой штатив.

Я не видела его лица, только периферическим зрением заметила, как он намеренно путает провода. Красный к черному. Желтый к синему. Классика саботажа бюджетников: они боятся нас сильнее, чем преподавателей, потому что знают, что мы умрем с голоду, если вылетим отсюда. А они выживут, даже если их отчислят. У них есть родители-врачи или деньги на платную клинику. У меня есть только этот экзамен. И шанс на интернатуру, которая станет билетом в нормальную жизнь.

— Дима, ты что делаешь? — прошипела я, пытаюсь перехватить его руку.

Он усмехнулся; над медицинской маской прищурились глаза.

— Протокол требует последовательности, Соколова. Не мешай.

Время пошло. На мониторе симулятора загорелось предупреждение об опасном нарушении ритма. Пульс на манекене не определялся. Если сейчас не стабилизировать ритм, симуляция закончится смертью пациента. А значит — моим отчислением.

Терпение лопнуло, как натянутая струна.

Я толкнула Диму локтем в солнечное сплетение. Он охнул, потеряв равновесие, а я вырвала из его рук пучок проводов.

— Смирись, принц крови! — крикнула я, игнорируя удивленный взгляд комиссии. — Ты не врач, ты мебель!

Вернула перепутанные провода на место. Пальцы дрожали; разъемы пришлось проверять дважды. Я знала, что делать. Не из учебника Громова, а от ночного фельдшера скорой, где я работала санитаркой, чтобы платить за общежитие. Там учили спасать жизни, а не оформлять документы. Проверила показания монитора, схватила учебный дефибриллятор и прижала электроды к груди манекена.

— Все отошли? Разряд!

Громкий щелчок разрезал тишину аудитории. Экран монитора замер. Я задержала дыхание. Потом появилась кривая ритма. Но датчик пульса всё ещё молчал.

Кровообращение в симуляции ещё не восстановилось, и я продолжила работать. Громов поднял руку, требуя пояснений. У меня не было времени отвечать. Я начала компрессию грудной клетки — жёсткую, ритмичную. Под ладонями поскрипывал пластик. Комиссия смотрела на меня, а я — на монитор.

— Соколова! — голос доктора Громова ударил в спину, как плеть. — Прекратите хаос! Вы нарушаете этикет аудитории. Тишина в зале обязательна!

Я не обернулась. Мои руки продолжали давить на пластик имитатора ребер.

— Пациент умирает, доктор! — выпалила я, задыхаясь от напряжения. — Ему плевать на ваш этикет!

С трибуны для отличников, расположенной на возвышении, раздался тихий, отчетливый щелчок шариковой ручки. Звук был таким резким, что пробил туман моей ярости.

Я подняла глаза. Артем Волков сидел, закинув ногу на ногу, его белоснежные туфли контрастировали с серостью нашего мира. Его лицо было маской скуки, но глаза горели холодным, хищным интересом. Он повернулся к соседке, девушке из элитного потока, и произнес достаточно громко, чтобы слышали первые ряды:

— Смотри, как обезьяна играет в доктора. Шумно и грязно.

Мое сердце пропустило удар. Обида вспыхнула, горячая и жгучая, желая сорваться с языка потоком ругательств. Но я стиснула зубы так сильно, что закрипела эмалью. Я посмотрела прямо на Артема. В его взгляде не было ненависти. Только презрение. Как к мусору, случайно попавшему в лабораторию.

Я отвернулась, продолжая реанимацию. Хотелось ответить Артему. Вместо этого я вслух считала компрессии, держась за знакомый ритм. Пусть смотрит. Я закончу.

Наконец, датчики показали стабилизацию. Пульс ровный, давление в норме. Я отступила на шаг, тяжело дыша. Руки, в перчатках, были липкими от конденсата.

Громов вошел в рабочую зону, осмотрел экран и хмыкнул.

— Тайм-аут. Объясните методологию. Почему вы не озвучили оценку состояния и сразу перешли к реанимации?

Тишина в зале стала плотной, осязаемой. Все ждали, как я буду оправдываться. Как студентка-бюджетница будет объяснять свои действия профессору, чьи статьи читают во всем мире.

Я выпрямила спину, чувствуя, как колени предательски дрожат.

— Я проверила пульс. Его не было, — начала я, стараясь говорить четко, хотя голос срывался. — Но мы потеряли время из-за... неправильно подключённого оборудования. Ожидание привело бы к необратимому гипоксическому повреждению тканей. Я вернула провода на место и начала реанимацию. Результат на экране доказывает эффективность.

Громов молчал. Комиссия переглядывалась. Мой ответ был дерзким, почти наглым, но цифры не врал. Мы выиграли время.

И тут в разговор вмешался другой голос. Сладкий, как ядовитая конфета.

Алина Коршунова подошла ближе. Она пахла дорогими духами и уверенностью в своей безнаказанности. Ее маникюр был идеальным, без единого скола. Она смотрела, как я стягиваю влажные перчатки и прячу руки за спину.

— Доктор Громов, — сказала она, не глядя на меня, словно я была пустым местом. — Можно ли считать профессиональной компетентность человека, который приходит на экзамен с запахом дешевого растворимого кофе и... — она указала на мои ногти, — ...под которыми видны остатки биологического материала предыдущих смен? Такой человек не может представлять наш университет. Это позор.

Кровь прилила к лицу. Жар стыда обжег щеки. Я хотела сказать ей в лицо, что она купила свою оценку деньгами отца, что она никогда не держала в руках настоящего пациента, кроме тех, кого выбирала для красивых фото в соцсетях. Хотела закричать. Хотела ударить.

Но я промолчала.

Потому что понимала: любой скандал сейчас будет трактован против меня. Они ищут повод. Они ждут моего срыва. И я не имею права дать им этот повод. Ради стипендии. Ради будущего. Я сжала кулаки до боли, впившись ногтями в ладони, и опустила голову.

— Продолжайте, — сухо сказал Громов, игнорируя Алину, но не опровергая её слова.

В этот момент двери открылись. Ректор Волков вошел в зал. При виде него Громов отодвинулся от стола, а комиссия разом замолчала. Он не поздоровался. Он просто смотрел на меня своими тяжелыми, уставшими глазами.

— Кто разрешил вам импровизировать? — спросил он тихо. Вопрос повис в воздухе, страшнее любого крика.

Я подняла взгляд. Глоток воздуха стал невозможным.

— Жизнь важнее правил, господин ректор, — прошептала я, и голос сорвался на хрип. — Когда пациент умирает, нет времени на согласования.

Ректор ничего не ответил. Он лишь кивнул кому-то за моей спиной.

Артем Волков медленно встал со своего места. Он спустился с трибуны, его шаги были размеренными, как метроном. Он подошел ко мне вплотную, так близко, что я чувствовала запах его дорогого парфюма — сандал и холодный металл.

Он не смотрел на комиссию. Он смотрел только на меня.

— Ты не врач, Соколова, — сказал Артем, и его голос был мягче шелка, но резал, как скальпель. — Ты пожарная сигнализация. И сигнализации не нужны в палате интенсивной терапии. Они нужны в котельной. Уходи. Пока тебя не выпнули с шумом.

Земля ушла из-под ног.

На пальцах остался запах дезинфектанта. Я спрятала их в карманы: все смотрели так, будто я провалила экзамен, хотя манекен удалось спасти. Теперь придираться будут к каждому движению.

Комиссия разошлась, так и не сказав ни слова. Я собирала вещи медленнее всех, давая им уйти первыми, потом вышла в коридор. Ноги сами понесли меня к деканату: нужно было узнать, что объявят, пока слухи не обогнали правду.

Коридор перед деканатом был длинным и пустым. Эхо моих шагов отдавалось в голове, как удары колокола. Стипендия зависла на волоске. Подработка в клинике уже под вопросом — слухи о «грубом нарушении этикета» расползлись быстрее вируса. Алина уже строчила сообщение в общий чат курса, я видела это по довольной улыбке, которую она прятала за планшетом.

Кабинет ректора находился в конце коридора. Тяжелая дубовая дверь была приоткрыта. Внутри пахло старой бумагой и властью.

Я вошла. Ректор сидел за столом, перебирая какие-то файлы. Артем стоял у окна, спиной ко мне, рассматривая серый двор университета.

— Закрой дверь, — приказал ректор, не поднимая глаз.

Я закрыла. Щелчок замка прозвучал как приговор.

— Твой результат формально удовлетворительный, — начал ректор, наконец глядя на меня поверх очков. — Но твои методы неприемлемы. Ты создаешь хаос. Ты провоцируешь конфликт. Ты не можешь работать в системе, если постоянно ее ломаешь.

— Система ломает людей, — выпалила я прежде, чем успела подумать.

Ректор усмехнулся. Это была не добрая улыбка.

— Возможно. Но пока ты внутри системы, ты обязана играть по правилам. Или выйти.

Он положил передо мной лист бумаги. Уведомление об испытательном сроке. Один семестр. Один шанс. Если я снова нарушу протокол или получу замечание по этике — отчисление без апелляции.

— Но есть условие, — добавил он.

Артем развернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то новое. Не презрение. Расчет.

— Тебе нужен куратор. Человек, который научит тебя держать себя в рамках. Который будет контролировать каждое твоё движение, каждый твой взгляд.

Ректор кивнул в сторону Артема.

— Волков назначен твоим личным наставником по этике и протоколу до конца семестра. Любое твоё действие должно быть одобрено им. Любое.

Меня замутило. Работать под присмотром этого высокомерного ублюдка? Каждый день? Смотреть, как он оценивает мою каждую ошибку? Это не наказание. Это пытка.

— Почему он? — спросила я, чувствуя, как злость снова поднимается волной.

Артем подошел к столу, взял договор и протянул мне ручку.

— Потому что я единственный, кто видит в тебе угрозу, Соколова. А угрозы нужно обезвреживать. Подписывай. Или собирай вещи.

Я взяла ручку. Пальцы дрожали. Я поставила подпись. Она вышла кривой. Теперь даже за опоздание можно было поплатиться местом в академии.

— Добро пожаловать в ад, — тихо сказал Артем, забирая документ.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как спина гнется под тяжестью взгляда. А впереди, в конце коридора, Алина уже ждала меня с победной улыбкой и телефоном в руке. Она знала. Слухи летят быстрее ветра.

Моя война только началась. И мой главный враг теперь был тем, кто должен был учить меня побеждать.

Глава 2

В коридорах академии я прежде всего искала свободный проход. Научилась сворачивать к лестнице, едва слышала голос Алины, и не задерживаться у стендов, где любили собираться её подружки. Моя стратегия была проста до примитивности: стать невидимкой. Если они не увидят меня, то и бить будет нечего. Стипендия висела над головой дамокловым мечом, а слово «отчисление» гремело в ушах громче любого экзаменационного звонка. Ректор дал шанс исправиться через кураторство Артема Волкова, но условие было жестким: тишина. Никаких скандалов, никаких публичных истерик. Просто выжить.

Я прижалась спиной к холодному кафелю стены у входа в столовую. Внутри пахло жареным мясом и дорогими парфюмами — запахами обеда, который мне сейчас не по карману. Алина Коршунова стояла в центре зала, окруженная своей свитой из золотых детей факультета. Её голос летел через весь зал, чистый и ядовитый, как лезвие скальпеля.

— ...представьте, она даже перчатки не сменила после контакта с манекеном. Грязь под ногтями, дешевые тряпки. Такие, как Кира Соколова, портят имидж нашего университета одним своим присутствием. Это не халтура, это деградация.

Мои пальцы сами собой сжались в кулаки. Ногти впились в ладони так сильно, что выступили белые полумесяцы. Боль была приятной — она отвлекала от унижения. Я сделала шаг назад, планируя обогнуть их по широкой дуге, через запасной выход, где пахло дезинфекцией и старыми швабрами. Но путь преградила тень. Алина повернула голову, её глаза блеснули триумфом. Она заметила меня раньше, чем я успела исчезнуть.

— О-о-о, — протянула она, и толпа замолкла, ожидая шоу. — Наша маленькая пожарная сигнализация решила спрятаться? Извинись, Кира. За опозоривание имени университета. Прямо здесь. На коленях.

Вокруг подняли телефоны. Вспышки ослепляли. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из горла. Стыд жег щеки огнем. Но я помнила инструкцию: тишина. Не давать им того, чего они хотят — драмы. Я молча опустила голову, уставившись на свои потертые кеды. Шаг влево, шаг вправо, еще один. Обходила их по широкой дуге, чувствуя на спине взгляды, тяжелые, как бетонные плиты. Алина хихикнула, и этот звук врезался в мозг, как игла.

Я нырнула в лифт, нажав кнопку закрытия двери с силой, которая могла сломать пластик. Казалось, внутри никого нет: дальний угол кабины скрывался за дверной створкой. Двери сомкнулись, отсекая шум и злые глаза. Выдох облегчения оборвался на полуслове.

Напротив меня, прислонившись к стене, стоял Артем Волков.

Он даже не смотрел на меня. Его взгляд был прикован к экрану телефона, большой палец лениво листал новостную ленту. Он дышал ровно, спокойно, словно рядом со мной не стояла девушка, которую он на экзамене публично уничтожил, а пустое место. Или хуже — мусор, который нужно просто игнорировать, чтобы не испачкать руки.

Тишина давила сильнее крика Алины. Мне хотелось закричать, ударить его в лицо, потребовать хоть какой-то реакции: презрения, ненависти, любопытства. Что угодно. Но он оставался каменной статуей идеального студента. Его безразличие было ловушкой. Он наблюдал за моим разрушением с интересом исследователя, изучающего реакцию подопытной крысы на яд.

Чувствуя себя ничтожеством, которого не удостоили даже взглядом презрения, я резко нажала кнопку этажа выше. Десятый. Мне нужно было на третий. Плевать. Лишь бы выйти первой. Лишь бы разорвать эту связь. Лифт дернулся, набирая скорость. Мои руки дрожали, прячась в карманах куртки. Когда двери открылись на десятом этаже, я вылетела оттуда, как пуля, и хлопнула дверью на лестницу. Эхо прокатилось по этажу.

Я спустилась по лестнице вниз: после этого поединка лифт был его территорией. Успела вымыть лицо и прогнать дрожь, к следующей паре выглядела почти нормально. Зря старалась.

Следующий урок этики начался с удара ниже пояса. Профессор Громов, старый циник с пенсне, вызвал меня к доске.

— Кира Соколова, продемонстрируйте классу правильный протокол поведения студента-бюджетника в ситуации критического риска для репутации учреждения.

Класс захихикал. Алина сидела в первом ряду, подперев щеку рукой, и улыбалась той самой улыбкой, от которой мурашки бежали по коже. Все ждали разноса. Ждали, что я начну оправдываться, плакать или огрызаться. Они хотели крови.

Я взяла мел. Пальцы были липкими от страха, но тело слушалось разум. Я написала четко, сухо, без единой лишней буквы.

1. Соблюдение субординации.
2. Признание ошибок без эмоциональной окраски.
3. Исправление последствий силами команды, а не личным героизмом.
4. Защита институциональных интересов.

Затем я отвернулась, положила мел на полочку и вернулась на свое место. Ни слова в мою сторону. Ни капли эмоции. Я выполнила задание идеально, превратив своё унижение в сухую констатацию факта. Профессор Громов посмотрел на доску, потом на меня, и его лицо вытянулось. Смех в аудитории стих, замененный напряженным ожиданием. Я отказала им в празднике. И это было маленькой, горькой победой.

Но победа оказалась иллюзорной.

Пары закончились ближе к вечеру. Я шла в общежитие через двор, прижимая к груди сумку с конспектами, и ещё грелась мыслью о том, как вытянулось лицо Громова. Грелась недолго.

Когда я вернулась в общежитие, воздух на этаже был насыщен едкой химией. У моей двери стояло ведро с растворителем. По белому дереву расплзлась черная, жирная надпись маркером: ПОЖАРНАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ.

Рядом стояли соседки. Катя и Лера, которые обычно делились со мной чаем. Сейчас они делали вид, что ничего не слышали, хотя надпись появилась у них под носом. Катя отводила глаза, перебирая нитки на шарфе. Лера усмехалась в телефон.

Гнев вскипел внутри, горячий и красный. Хотелось рвать и метать. Хотелось кричать на них, обвинять, требовать справедливости. Но я вспомнила про стипендию. Про условный срок. Про то, что любой мой порыв сейчас будет использован против меня.

Я не заплакала. Слезы — это роскошь, которую я себе не могу позволить. Я сняла куртку, засучила рукава и схватила тряпку, мокрую от растворителя. Запах резал нос, щипал глаза, вызывая кашель. Но я начала тереть дверь. Энергично, яростно, круговыми движениями. Черные буквы плыли, размывались, становясь серыми пятнами.

Студенты из других комнат выглядывали в коридор. Шепотки нарастали. Кто-то снимал на видео. Пусть снимают. Пусть смотрят, как я стираю свою позорную подпись собственными руками. Каждый миг этой работы был актом сопротивления. Я превращала акт вандализма в демонстрацию своего упрямства. Руки горели от химии, кожа краснела, но я не останавливалась.

— Пахнет отчаянием, — раздался знакомый низкий голос за спиной.

Я замерла, сжимая тряпку в кулаке так, что костяшки побелели. Артем стоял в конце коридора, засунув руки в карманы брюк. Его костюм был безупречен, волосы уложены, лицо — маска холодного скупого интереса. Он пришел проверять условия проживания подопечной? Нет. Он пришел смотреть, как я выживаю.

— Ты используешь агрессивные растворители на лаке, — продолжил он, подходя ближе. — Это не очистка, это порча имущества. Ещё один пункт в твою характеристику.

Его голос был ровным, лишенным злобы. Именно это бесило больше всего. Он не хотел меня унижить. Он анализировал меня. Как случай в медицинской карте.

Я медленно развернулась к нему. Растворитель капал с моих рук на пол, оставляя темные лужи. Глаза жгло от паров, но я заставила себя смотреть ему прямо в лицо.

— Если ты пришёл смотреть, как я выживаю, — сказала я тихо, но каждое слово было отчеканено, — то плати за билет. Вход бесплатный только для тех, кто помогает.

Артем остановился. На секунду в его глазах мелькнуло что-то неуловимое. Не удивление. Больше похоже на уважение к силе удара. Он молчал долго, слишком долго. Затем развернулся и ушел, не сказав ни слова. Только запах его дорогого одеколona остался висеть в воздухе, смешиваясь с вонью химии.

Когда шаги стихли за поворотом лестничной клетки, я наконец перевела дыхание. Впервые за вечер осталась одна — и сразу поняла, сколько сил ушло на этот разговор: руки горели от растворителя, колени дрожали.

В комнате я упала на кровать, дрожа всем телом. Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера, но аватарка была одна — Алина.

Фотография. На ней я, с красными руками, склонившаяся над дверью, а на заднем плане, в тени коридора, стоит силуэт Артема. Подпись: «Твой куратор тоже считает тебя грязной работой? Или ты ему нравишься именно такой?»

Это было сообщение, призванное разжечь стыд. Они использовали мою изоляцию против меня. Они видели, что я одна, и решили добить. Я посмотрела на фото, на свои искаженные черты лица, и почувствовала, как внутри застыла ледяная ярость. Стратегия молчания провалилась. Они не дали мне быть невидимкой. Они сделали меня мишенью.

Сохранила фотографию и убрала переписку в архив. Экран погас. В темноте комнаты я лежала, глядя в потолок, и принимала решение. Хватит прятаться. Хватит отмывать чужую грязь. Я начну собирать компромат на Алину сама. Каждое слово, каждая встреча, каждый взятый документ. Если они хотят войны, я дам им её.

Глава 3

Утро следующего дня началось с тяжести в груди. В аудитории было людно, но я шла к своему месту с прямой спиной. Артем уже сидел там. Перед ним лежала папка с редкими клиническими случаями для нашего совместного учебного проекта. Он не поднял глаз, когда я подошла.

Папка была открыта. На странице с разбором моих действий на экзамене были сделаны его пометки красной ручкой. Грубые, резкие. «Некомпетентность. Опасность для пациента.»

Он ждал. Ждал, что я снова опущу голову. Что взорвусь. Что попрошу прощения.

Я достала свою синюю ручку. Сердце билось где-то в горле. Я не стала спорить словами. Я просто взяла листок поверх его заметок и начала писать. Правильный протокол действий. Тот самый, который спас бы жизнь манекену быстрее, если бы преподаватель позволил мне использовать нестандартные, но эффективные методы. Я расписала алгоритм посекундно, добавив ссылку на новую статью по неотложной помощи, которую Артем наверняка не читал, потому что считал её «непрофильной литературой».

Я закончила писать и подняла глаза. Впервые с того экзамена я посмотрела ему прямо в лицо. В этом взгляде не было ни страха, ни унижения. Только вызов.

Артем взял папку. Его пальцы скользнули по бумаге, задержавшись на моих строках. Он читал. Медленно, внимательно. Я видела, как его челюсть чуть напряглась. Он ожидал увидеть оправдания, а увидел доказательство. Интеллектуальное оружие.

Он закрыл папку и положил её на стол. Затем вытащил из внутреннего кармана пиджака визитку. Белая, плотная, с минималистичным дизайном. Он бросил её на стол передо мной.

— Враг, который знает твои слабые места, опаснее друга, — сказал он, и в его голосе впервые не было насмешки. Был хищный интерес. — Но полезнее.

Он забрал папку и ушел, оставив меня наедине с визиткой. Свет в аудитории вдруг меркнул, лампы зажужжали, готовясь отключиться. Темнота накрыла комнату, и в этом сумраке мое сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот разорвет грудную клетку.

Визитка так и лежала в кармане куртки — угловатый кусок картона, давящий в бедро. Я не звонила. Сначала нужно было пережить лабораторию: общий стол, реактивы и одного нежеланного напарника.

В лаборатории спиртом протёрли даже ручку двери. Я придержала её локтем, чтобы не уронить кейс: ещё одного публичного провала мне не надо.

Я вошла внутрь, прижимая к груди тяжелый кейс с реактивами, как щит. В голове гудело от ночной смены в клинике: ноги деревянные, спина ноет, а перед глазами всё ещё плывут цифры из карты пациента, которого врачи не успели спасти. Но сейчас не было времени жалеть себя. Был только один шанс — этот проклятый проект по этике и протоколу. И он был заперт в одном помещении с Артемом Волковым.

Он сидел у большого общего стола, идеально прямая спина, белоснежный халат без единой складки. Перед ним лежали пробирки, выстроенные в ряд, как солдаты на параде. Когда я шагнула ближе, он даже не поднял глаз. Просто молча сдвинул свои инструменты в дальний правый угол, освобождая пространство слева. Нет, не для меня. Для того, чтобы я случайно не коснулась его стерильного мира своим «грязным» присутствием.

— Можно? — спросила я, ставя кейс на стол.

Тишина была ответом громче крика. Я видела, как напряглась его челюсть. Он игнорировал меня так профессионально, что это граничило с искусством. Мне нужно было место. Мои локти упёрлись в край стола. Я сделала шаг назад, поставив стул почти вплотную к его колену.

Артем дёрнулся. Его бедро едва не коснулось моего бедра через ткань джинсов. Он резко отодвинулся, теряя равновесие над пробиркой, которую держал пинцетом. Та качнулась, звякнув о стекло.

— Ты вторгаешься в личное пространство, Соколова, — бросил он холодно, не глядя на меня.

— А ты занимаешь весь стол, Волков. Протокол требует совместной работы. Пространство общее.

Он презрительно фыркнул и вернулся к работе, будто я была назойливой мухой. Моя злость вспыхнула, горячая и липкая. Я ненавидела его спокойствие. Ненавидела то, как легко ему удавалось быть недоступным, когда мне даже хлеб доставался ценой ночной смены.

Для анализа требовалась центрифуга. Она стояла ровно за спиной Артема. Чтобы до неё дотянуться, нужно было обойти его или попросить подвинуться.

— Артем, центрифуга, — сказала я максимально нейтрально.

Он не обернулся.

— Протокол безопасности запрещает резкие движения в зоне обработки биоматериала. Дышать твоим потом мне не хочется.

Меня передернуло. Твоим потом. Словно я была источником заразы. Я стиснула зубы так, что свело скулы. Ожидать помощи было бессмысленно. Нужно было действовать.

В тот момент, когда он отвернулся к компьютеру, проверяя логи загрузки, я скользнула мимо него. Воздух между нами стал плотным, наэлектризованным. Я чувствовала запах его одеколона — дорогого, древесного, чужого. Мое плечо случайно задело его лопатку. Это был пустяк, миллиметры ткани, но реакция последовала мгновенная.

— Не трогай! — рыкнул он, разворачиваясь. Громкость окрика заставила вздрогнуть лаборанта у соседнего поста.

Все взгляды скрестились на нас. Лаборант, толстый мужчина с вечным недосыпом, покачал головой.

— Кира, тише. У тебя уже репутация... хаотичной. Не создавай проблем на ровном месте.

Слово «хаотичной» повисло в воздухе, как приговор. Я опустила глаза, чувствуя, как горят щеки. Ожидала удара снизу. Ожидала, что Волков подтвердит: да, она истеричка, она не справится.

Но Артем посмотрел на лаборанта с тем самым ледяным взглядом, который обычно резервировал для декана.

— Ваше замечание ошибочно, Иван Сергеевич. Шум вызван не хаосом, а нарушением эргономики рабочего места, которое вы сами создали, расставив лишнее оборудование. Соколова действует в рамках допуска. Продолжайте работу.

Тишина стала оглушительной. Лаборант открыл рот, чтобы возразить, но встретился с взглядом сына ректора и закрыл его.

Я замерла. Артем снова отвернулся к монитору, делая вид, что ничего не произошло. Почему он это сделал? Не ради меня. Ради контроля. Ему не нравилось, когда кто-то другой решал, кто здесь плохой. Но впервые за два дня я почувствовала, что мы на одной стороне. Хотя бы технически.

— Перенеси образцы на второй этаж, — приказал он, не повышая голоса. — Хранение в лаборатории запрещено после 18:00.

Это была ловушка. Я знала, что он видит мою усталость. Знал, что я работаю ночами. Я подошла к большому пластиковому ящику, наполненному контейнерами с кровью. Вес был внушительным — килограммов двадцать, может больше. Плюс моя больная спина.

— Я могу позвать санитара, — предложила я.

— Самостоятельность входит в критерии оценки, — отрезал он. — Или ты сдашься прямо сейчас?

Провокация. Грязная, дешевая, но эффективная. Я схватилась за ручки ящика. Пальцы соскользнули на гладком пластике. Я потянула вверх, мышцы живота напряглись, позвоночник занял. Ящик дрогнул, накренившись.

— Аккуратнее, — бросил он, даже не вставая со стула.

Я подняла его на уровень пояса, колени затряслись. Шаг. Второй. Пот заливал глаза. Мир вокруг начал плыть. Ящик становился все тяжелее, словно гравитация решила ударить лично по мне. На середине коридора, ведущего к лифту, мои руки предательски ослабли. Контейнеры внутри загремели, грозя рассыпаться на пол.

Время замедлилось. Я видела, как ящик летит вниз, понимая, что если кровь разольется по линолеуму, меня отчислят мгновенно. Не за провал, а за порчу имущества.

Артем, шедший за мной, подхватил ящик снизу, не дав удариться о пол. Другая рука, сильная и холодная, обхватила мой локоть, притягивая меня к себе, чтобы я не упала следом за грузом.

Глава 4

Мы замерли. Ящик застрял между нами; я всё ещё держала одну ручку. Его пальцы сжимали локоть через рукав халата. Я чувствовала жар его тела, несмотря на прохладу коридора. Секунда растянулась в вечность. Электрический разряд, мелкий и противный, пробежал по руке, где он меня держал.

— Отпусти, — прошептала я, задыхаясь.

Он не отпускал сразу. Посмотрел мне в глаза. В его серых радужках отражалось мое лицо: бледное, испуганное, злое.

— Если бы ты упала, — сказал он тихо, почти интимно, — тебе пришлось бы писать объяснительную о травме на рабочем месте. Я ценю свое время.

Он отодвинул меня от ящика и поставил ящик на пол рядом с лифтом.

— Дальше сама.

Дверь лифта открылась. Я снова взялась за ручку; Артем молча подхватил вторую. Мы занесли ящик в кабину. Узкое пространство, металлический блеск стен. Тишина давила на уши. Я прислонилась к стене, стараясь унять дрожь в руках. Не от страха. От злости.

— Спасибо, — выпалила я, прежде чем смогла остановить себя. Слово вырвалось само, привычка вежливых людей, которых всегда учат благодарить тех, кто их бьет.

Артем усмехнулся. Эта улыбка была хуже удара. Циничная, кривая, обнажающая зубы хищника.

— За что? За то, что не дал тебе испачкать пол кровью? Я спасал не тебя, Соколова. Я спасал репутацию твоего куратора.

Меня тряхнуло. Внутри что-то оборвалось. Все эти попытки быть терпеливой, умной, профессиональной... они разбились о его высокомерие. Он не видел человека. Он видел функцию. И эту функцию можно было сломать.

— Ты трус, — процедила я.

Он повернул голову, заинтересовавшись.

— Что?

— Ты прячешься за протоколами, потому что боишься чувствовать. Боишься, что если признаешь хоть каплю человеческого в этом процессе, твоя идеальная картинка рассыплется. Ты не выше всех. Ты просто пустой.

Я шагнула к нему. Он был выше, шире в плечах, но я не отступила. Я толкнула его в грудь обеими руками. Это было глупо, нелепо, опасно. Но мне было плевать.

Артем отшатнулся, его спина с глухим стуком ударилась о зеркальную стену лифта. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах впервые мелькнуло не презрение, а растерянность. И что-то еще. Опасное любопытство.

— Ты меня поразила, — сказал он медленно, не убирая рук от моих плеч, которые он перехватил, чтобы я не ударила снова. — Твоя ярость... она не истерика. Она инструмент.

— Извинись, — потребовала я, глядя ему прямо в нос.

— За что?

— За то, что назвал меня грязной.

Лифт остановился. Двери раскрылись. Мы стояли, сцепленные, посреди тихого коридора второго этажа. Артем первым отпустил меня, поправив манжету халата. Его лицо снова стало каменной маской.

— Идем. Работа ждет.

Оставив образцы в хранилище второго этажа, мы вернулись в лабораторию и обнаружили катастрофу. Монитор Артема мигал красным.

«Ошибка доступа. Данные повреждены».

— Что случилось? — спросила я, подходя ближе.

— Кто-то подключился к локальной сети и запустил скрипт очистки временных файлов, — голос Артема стал плоским, опасным. Он повернулся ко мне. — Ты сегодня работала с этим компьютером.

— Я была в лифте. С тобой.

— Значит, скрипт могли запустить заранее. Тебе выгодно оправдать свой провал саботажем данных.

Его слова были как пощечина. После того момента в лифте, после того, как он увидел во мне силу, он тут же вернул всё на круги своя. Враг есть враг.

— Посмотри журнал, Волков. Вход зафиксирован, пока мы ехали в лифте. Проверь терминал, а не назначай виноватую.

— Алину Коршунову я видела у лаборатории, когда мы шли к лифту, — вспомнила я. — Она улыбалась. Слишком широко.

Артем замер. Его пальцы зависли над клавиатурой. Он знал Алину. Знал её методы. Но признать, что дочь главного спонсора могла уничтожить данные проекта его отца, означало признать слабость системы. Системы, частью которой он был.

— Стандартное восстановление займет час, — сказал он, не глядя на меня. — Отчёт надо загрузить через двадцать минут. Утром декан проверит серверы.

— Есть способ быстрее, — сказала я.

Он поднял глаза. В них читалось недоверие.

— Ты хочешь сказать, что твоя «халтура» работает лучше академических протоколов?

— Да. У тебя есть резервная выгрузка, у меня — сегодняшние таблицы. Ты восстанавливаешь структуру, я сверяю строки по своей копии. Один будет возиться час. Вдвоём справимся за десять минут.

— Это рискованно. Если ошибемся, потеряем всё.

— Если будем ждать, потеряем всё гарантированно.

Мы придвинулись друг к другу за общим столом. Два ноутбука, две клавиатуры, одно общее напряжение.

— Я возвращаю таблицы, ты проверяешь номера проб, — распорядился Артем. — Каждую, Соколова.

Мы начали печатать. Сначала быстро, затем всё быстрее. Клавиши щелкали в ритме сердца. Я чувствовала его присутствие боковым зрением. Запах его кофе, смешанный с ароматом реагентов. Тепло его руки, которая иногда задевала мою, когда он тянулся за мышкой.

На третьей минуте импорт остановился. На экране появились ошибки.

— Стоп, — сказал Артем. — Разный формат времени. Исправляю.

— Последняя строка сверена, — прошептала я. — Сохраняем. Три... два... один...

Наши руки одновременно ударили по Enter.

Тишина в лаборатории стала абсолютной. Только гул вентиляторов и наше дыхание. Я смотрела на экран. Курсор мигал. Черный квадрат. Красный текст ошибки. Потом... зеленый.

«Восстановление завершено. Данные целостны».

Я выдохнула, чувствуя, как отпускает спазм в груди. Мы сделали это. Вместе.

Артем медленно поднял глаза от клавиатуры. Он не выглядел довольным. Он выглядел... потрясенным. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, на линии шеи, где пульсировала жила.

— Твои методы... они грязные, — произнес он хрипло, будто забыл, как говорить человеческим языком. — Они нарушают все правила, которые я изучал последние четыре года.

— Но они работают, — закончила я, чувствуя странную легкость.

Он кивнул, медленно. Медленно, как будто каждое движение стоило ему усилий.

— Не смей меня бросать, — сказал он тихо, так, что я едва расслышала. — Пока мы не закончим.

Это не было просьбой. Это было предупреждением. И приглашением.

Впервые за всю историю нашей вражды я увидела не судью. Я увидела человека, который только что понял, что его идеальный мир хрупок. И что без моих замызганных записей он бы сегодня не справился. Я подвинула блокнот к нему: пусть ещё раз прочтёт, кому охота.

Глава 5

Воздух в отделении интенсивной терапии пахнет не жизнью, а антисептиком и старой кровью. Три дня назад ректор вынес мне приговор: «один шанс или отчисление». А ночные смены никто не отменял. Днём я студентка, здесь — санитарка, и за пол тоже отвечаю я. Мысль о завтрашней паре хочется смыть вместе с этой кровью.

Мои руки, привыкшие держать скальпель, сейчас сжимают швабру. Пятно крови на кафельном полу выглядит как карта моей карьеры — размытая, красная, безнадёжная. Старшая медсестра Зинаида Петровна, женщина с лицом, высеченным из гранита и усталости, проходит мимо меня. Она даже не смотрит. Для неё я — просто ещё одна ошибка в расписании, которую нужно стереть тряпкой.

— Соколова! — её голос звенит где-то в глубине коридора. — В палате четыре пациент зовёт. Проверь, что нужно, и позови меня.

Я молча киваю. Спорить бессмысленно. Любое слово будет записано в журнал нарушений. Я беру ведро, наполняю его ледяной водой из подсобки и тащу обратно. Холод обжигает пальцы, но это лучше, чем огонь стыда, который горит внутри. Каждый шаг — маленькая победа над собой. Я не плачу. Я не жалею. Я просто доживаю до утра. Это мой личный ад, и я научилась в нём ходить по кругу.

Палата №4 встречает меня монотонным писком аппарата. Пациент после ДТП лежит неподвижно, бледный как мел. Его грудная клетка едва заметно вздрагивает. Я вижу капельницу: игла сместилась, раствор льётся в подкожную жировую ткань, образуя болезненный пузырь. Вот зачем он звал: кожа вокруг катетера вздулась. Я зову Зинаиду, не трогая катетер. В этот момент монитор начинает пищать чаще.

Пульс падает. Давление рушится.

Я скидываю голову. В дверном проёме появляется дежурный врач, молодой парнишка, который явно спал последние сутки. Он бросает взгляд на экран, потом на меня, и его лицо искажается гримасой раздражения.

— Чего ты тут делаешь? — рявкает он. — Иди прочь. Вызову реаниматолога.

— Он теряет сознание, — говорю я, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. — У него внутреннее кровотечение. Пока мы ждём реаниматолога...

— Ты не имеешь права давать диагнозы! — кричит врач, отталкивая меня плечом. — Ты санитарка! Вон отсюда, иначе я напишу рапорт о твоей самостоятельности!

Зинаида Петровна, услышав шум, врывается в палату. Её глаза расширяются от ужаса, когда она видит цифры на мониторе.

— Отойдите! — командует она мне, хватая за локоть. Ногти впиваются в кожу. — Ты всё испортишь! Врач сказал ждать!

Но пациент уже не дышит ровно. Голова запрокинулась, губы синеют. Инстинкт перекрывает страх перед увольнением. Перед тем, как меня вышвырнут из жизни навсегда.

Я вырываю руку.

— Подвезите оборудование! — рычу я на Зинаиду, и мой голос звучит чужим, властным, не терпящим возражений.

Она замирает, шокированная тем, что «проблемная студентка» осмелилась отдавать ей команды. Я действую автоматически. Тело помнит то, что разум пытается забыть. На экзамене Артем Волков назвал мои методы халтурой. Сейчас эта «халтура» — единственная надежда этого человека.

Я нажимаю кнопку экстренного вызова и громко называю номер палаты. Пациент перестаёт отвечать; я остаюсь у его головы, пока врач торопливо проверяет дыхание и отдаёт нако-

нец команды. Зинаида подвозит оборудование. Я подаю всё, что она просит, и слежу за экраном — только бы не потерять ещё одну секунду.

Врач начинает помощь. Я напоминаю ему о катетере: раствор шёл мимо вены. Он коротко кивает Зинаиде, та меняет доступ.

Цифры на мониторе перестают падать. Я всё ещё держу пациента за руку, хотя он меня не слышит. Пульс стабилизируется. Сатурация ползёт вверх.

Тишина в палате становится оглушающей.

Дверь бесшумно открывается. Я чувствую этот холод, эту ауру присутствия раньше, чем оборачиваюсь. Артем Волков.

Он стоит в коридоре, прислонившись спиной к стене. Белый халат идеально сидит на его широких плечах, ни одной складки. Лицо — маска холодной скуки. Его глаза, серые и пронизывающие, скользят по моему грязному халату, по пятнам крови на моих руках, по стабилизировавшимся цифрам на экране.

Я ожидаю удара. Жду, что он сейчас вызовет охрану, уволит меня одним словом, напугает, кто я такая — пожарная сигнализация, которая дымит там, где должна тушить.

Артем делает шаг внутрь. Врач выпрямляется, поправляя очки, пытаюсь оправдаться.

— Артем Сергеевич, тут какая-то ошибка, студентка нарушила субординацию, я как раз собирался...

Артем поднимает руку, останавливая его. Его голос тихий, но каждый слог режет воздух как скальпель.

— Пациент стабилен?

— Да, но...

— Тогда обсуждать этикет будем позже. Сначала осмотрите больного. Если он умрёт из-за вашей нерешительности, это будет ваша ответственность, а не повод обвинять её в самодеятельности.

Врач бледнеет. Зинаида открывает рот, чтобы возразить, но Артем бросает на неё такой взгляд, что она захлопывает его. Он не защищает Киру Соколову. Он защищает систему. Он защищает своё имя сына ректора, которое не должно быть связано со скандалами. Но факт остаётся фактом: он позволил мне закончить. Он стал свидетелем того, как я спасла жизнь ценой своего диплома.

Через десять минут прибыла бригада реаниматологов. Пациента перевезли. Меня оставили в коридоре, стоящей посреди лужи дезинфицирующего раствора, который я так и не успела убрать.

Артем выходит из палаты последним. Лифт гудит в конце коридора, ожидая пассажира. Мы остаемся одни. Тишина давит на уши. Мои руки дрожат. Не от холода, а от откатного эффекта адреналина. Страх смешивается с эйфорией. Я жива. Я врач. Хоть на одну ночь.

Артем подходит ближе. Слишком близко. Я чувствую запах его дорогого одеколона — сандал и табак, который контрастирует с запахом больницы. Он нависает надо мной, заставляя заирать голову.

— Почему ты не позвала меня раньше? — спрашивает он.

Это не вопрос вины. Это констатация факта. Он видел. Он успел увидеть конец. Этого хватило, чтобы понять, почему я кричала.

— Вы бы остановили меня, — шепчу я, глядя ему прямо в глаза. — Вы бы сказали, что это риск.

— Риск есть всегда, Кира. Вопрос в том, кто готов платить цену ошибки.

Он делает ещё один шаг. Я прижимаюсь спиной к холодной стене. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на следе от маски на моей щеке.

— Ты воняешь кровью и бедностью, — говорит он резко, но в его тоне нет прежней насмешки. Там есть что-то другое. Что-то голодное. — Но сегодня ты пахла жизнью.

Он достает из кармана халата блокнот. Отрывает листок. Пишет что-то быстрым, уверенным почерком. Складывает листок пополам и кладёт на чистую салфетку, которую достал из кармана.

Протягивает мне.

— Ты нарушила правила и спасла жизнь. Это значит, что ты либо гений, либо безумец. Я пока не решил, кто из вас двоих мне нужен больше.

Лифт открывается. Артем заходит внутрь, не дожидаясь ответа. Двери смыкаются, отсекая его силуэт.

Я стою, сжимая в потных ладонях клочок бумаги. Моё сердце бешено колотится, отзываясь эхом в пустом коридоре. Разворачиваю салфетку.

На листке, крупными черными буквами, написан номер телефона. А ниже, курсивом, одно предложение:

«Не. Делай. Глупостей.»

Я смотрю на цифры. Потом на свои руки, всё ещё пахнувшие дезинфектантом. Впервые за эти дни вместо липкого стыда внутри поднимается горячий, острый азарт. Хочется набрать его номер прямо сейчас и спросить, что он вообще делал на моём дежурстве. Но я складываю листок. Сначала доработаю смену.

Глава 6

Запах стерильного хлоргексидина всегда вызывал у меня тошноту, но сегодня он смешивался с ароматом дорогого парфюма Артема Волкова и чувством собственной никчемности.

— Если ты не сдашь черновик главы по патогенезу к утру раньше меня, — он говорил тихо, чтобы слышала только я, — ты признаешь публично, что твои методы — это шарлатанство. И уходишь из проекта. Навсегда.

Я подняла глаза. Артем сидел напротив, идеально ровная спина, безупречный галстук. Его пальцы лежали на клавиатуре ноутбука, готовые в любой момент начать печатать идеальную, сухую, мертвую истину. Для него медицина была уравнением. Для меня — живой тканью, которая рвалась под ногтями.

— Ты уверен, что я не успею? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Уверен, Соколова. У тебя нет доступа к закрытым серверам библиотеки. А без них твоя «интуитивная» работа будет состоять из догадок и воды.

Он прав. Физически я была обречена. Стандартный подход не работал: поиск статей занимал часы, а у меня их оставалось всего три. Но Артем забыл одну вещь. Я работала ночной санитаркой не только ради денег. Я знала каждую дыру в системе безопасности этого университета лучше, чем охрана.

Я закрыла крышку ноутбука и улыбнулась ему так же холодно, как он мне.

— Считай, что ты уже проиграл.

Легла я не сразу. Лежала, глядя в потолок, и прокручивала этот разговор, пока злость не перестала душить. Потом встала, оделась и вернулась в лабораторию: в ночных коридорах было тихо, и эта тишина обещала покой.

В четыре утра лаборатория превратилась в поле боя. Мои руки летали над клавиатурой, пока я подключалась к старой, полуразвалившейся сети общежития через личный Wi-Fi-роутер, который прятала в сумке. Экран мерцал, загрузка ползла так медленно, что я успевала перечитать строку трижды, но данные текли. Старые архивы, забытые кейсы, заметки профессоров десятилетней давности. Это было грязно, рискованно и прекрасно.

Вдруг загрузка остановилась. Индикатор интернета мигнул красным и исчез.

— Плановая профилактика сетей, — раздался сладкий, ехидный голос Алины Коршуновой из дверного проема. Она держала в руках телефон, на экране которого светилось приложение управления сетями кампуса. — Ой, Кира! Что случилось? Твой маленький хакерский проект завис? Жаль. Дедлайн через час.

Алина ушла, хлопнув дверью, оставляя меня перед зависшей страницей. Сердце колотилось где-то в горле. Восемьдесят процентов материала были собраны, но без доступа к внешним источникам я не могла подтвердить гипотезу о побочном эффекте препарата. Это был конец.

И тут дверь открылась снова. Вошел Артем. Он даже не посмотрел на меня. Просто сел за свой стол, включил настольную лампу и начал... читать вслух свою работу. Громко. Отчетливо. Пересказывая сложные клинические случаи, которые явно предназначались для ушей дежурных охранников в коридоре.

— ...случай №402, пациент демонстрировал атипичную реакцию... — монотонно бубнил он, отвлекая внимание.

Я замерла. Шум в коридоре стих. Охранники заскучали, слушая лекцию Волкова. А я схватила флешку, метнулась к запасному выходу и побежала в соседний корпус, где роутеры никогда не обновляли.

Почему он помог? Неужели этот ледяной ублюдок...

Нет. Не сейчас. Потом.

За окном совсем рассвело. Я бежала по пустым коридорам, сжимая флешку так, что она впилась в ладонь: пока Артем читал охранникам свою лекцию, у меня оставались считанные минуты. Последняя надежда — архивный блок.

Архивный блок третьего этажа был заперт. Металлическая дверь, тяжелая, как гробница фараона. Времени оставалось двадцать минут.

Я достала из кармана куртки пластиковую карту от столовой и медицинский шпатель, который стащила еще в прошлом семестре. Руки дрожали от холода и адреналина.

Клик.

Скрип.

Ничего.

— Давай, давай... — шептала я, прижимаясь щекой к холодному металлу. Я диктовала текст в диктофон, пока пальцы судорожно ковыряли замок. Слова лились потоком, связывая симптомы в единую картину, которую никто другой не видел. Моя интуиция кричала громче логики.

Щелчок. Дверь подалась.

Я толкнула дверь, шагнула в темный тамбур, пахнувший пылью и бумагой, и наткнулась на чью-то грудь. Твердую. Теплую. Пахнущую мятой и опасностью.

— Интересное хобби, Соколова? Взламывать государственное имущество среди ночи?

Артем стоял передо мной, скрестив руки. Его глаза блестели в свете аварийной лампы.

— У тебя пять секунд: либо помогаешь, либо вызывай охрану. Но тогда объясняться будем оба, — выпалила я, чувствуя, как страх сменился яростью.

Он усмехнулся. Медленно, почти лениво.

— Пять секунд. Четыре...

Я выхватила из кармана распечатанный фрагмент кода, найденный в старых логах сервера.

— Посмотри сюда.

Артем взял листок. Его улыбка погасла. Он читал быстро, его брови сходились к переносице.

— Это ошибка в моей статье за прошлый год, — сказал он тихо. — Статистическая погрешность. Ты доказала, что моя модель не работает в долгосрочной перспективе.

— Именно. Теперь открывай внутреннюю дверь.

Артем молча вытащил мастер-ключ. Звякнул металл. Дверь распахнулась.

— У тебя пять минут, пока я не передумал и не стал свидетелем преступления, — бросил он, входя следом и запирая дверь изнутри.

Дверь за нами захлопнулась, отрезая свет коридора. Я перехватила ремень сумки, где лежал мой ноутбук, и шагнула вперед. Пять минут. Ни секундой больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.